

ТВОРЧЕСТВО И.Л. ЛЕОНТЬЕВА (ЩЕГЛОВА) В ОЦЕНКЕ А.П. ЧЕХОВА *

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о взаимоотношениях двух писателей – А.П. Чехова и И.Л. Леонтьева (Щеглова) на основе писем Чехова 1887-1889 годов. Письма – свидетельство творческого роста современника Чехова – Леонтьева (Щеглова), создания его литературного портрета. Отдельные письма Чехова раскрывают его взгляды на развитие русской литературы конца XIX века.

Ключевые слова: Письма Чехова, литературный портрет Леонтьева, писатели-беллетристы.

Иван Леонтьевич Леонтьев (1856-1911, псевдоним – Щеглов) – один из наиболее талантливых литературных спутников А.П. Чехова конца XIX-начала XX вв. Он был участником русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в чине капитана-от-артиллерии [1, 553], автором военных рассказов, очерков и пьес. Впервые в печати как писатель выступил в 1881 году, и с тех пор, на протяжении трех десятков лет, его произведения не сходили со страниц периодических изданий. Однако после смерти известного в свое время литератора творчество было забыто читателями, как были забыты имена не менее интересных писателей И.Н. Потапенко, К.С. Баранцевича, А.С. Лазарева (Грузинского), В.А. Тихонова, Н.М. Ежова и других молодых беллетристов из чеховского окружения.

Впервые о Леонтьеве заговорили во второй половине 80-х годов. В статье «Молодые русские беллетристы» (1888) критик и публицист К.К. Арсеньев писал: «7 лет тому назад в «Вестнике Европы» и в другом журнале, теперь уже не существующем («Новое Обозрение»), появились почти одновременно два рассказа молодого, неизвестного перед тем писателя, подписавшегося псевдонимом: «Щеглов». Мы не забыли до сих пор впечатления, которое они на нас произвели – и – и пережили его еще раз, встретившись с ним в сборнике, недавно изданным его автором. Военными картинами, рассказами из военного быта русский читатель избалован больше, чем всякий другой; в виду таких образцов, как «Набег», «Рубка леса», «Севастополь», как множество страниц в «Воине и мире», он

невольно становится требовательным и строгим – и начинающему автору нелегко выдержать сравнение, напрашивающееся само собою. «Первое сражение», «Поручик Поспелов», «Неудачный герой» вышли и выходят невредимыми из этого искуса». Тем не менее, считает критик, как ни велико расстояние, отделяющее их от произведений Л. Толстого, «они сохраняют и рядом с ними свою самостоятельную силу. Влияние великого писателя только вдохновило г. Щеглова, но не взяло его в свои тиски, не сделало его подражателем, вольным или невольным. Вместе с «Воспоминаниями рядового Иванова», «Четырьмя днями» и «Трусом» г. Гаршина, названные нами рассказы г. Щеглова образуют в нашей литературе нечто вроде комментария к известным военным картинам Верещагина. Мы говорим, конечно, не о силе таланта, обнаруженного писателями и живописцем – сравнивать столь разнородные величины было бы трудно, да и бесполезно, – а только в отношении их к сюжету» [2, 222]. И далее Арсеньев рассматривает произведения молодого беллетриста с точки зрения их содержательности и художественности.

В автографе рукописи А.А. Александрова «Молодые таланты в русской беллетристике. Антон Чехов» хранится заметка о Леонтьеве (Щеглове) «Заветное желание». Автор статьи называет его «талантливым писателем и прекрасным человеком», которого, по справедливому замечанию П.П. Перцева, «знал, пожалуй, весь литературный Петербург («Новое время», № 12653)». Да и в Москве и в провинции, по утверждению Александрова, «его знали и любили очень многие» [3].

Отметим, что Леонтьева (Щеглова) хорошо знал и любил Антон Павлович Чехов, знакомство с которым произошло 9 декабря 1887 года в Петербурге. С этого времени началась их дружба, и не только. Их связывали литературные отношения и долготелая переписка. Известно 68 писем Чехова к Леонтьеву и 108 писем Леонтьева к Чехову (1887-1904), хранящихся в ГБЛ и 1 письмо (1887) в РГАЛИ; 6 писем Леонтьева к Чехову опубликовано в Записках ГБЛ (вып. 8) [4, 553].

Письма Чехова позволяют представить определенный литературный облик его современника и воссоздать духовно-нравственные основы его творчества. Если оценки

* © Новикова А.А.

критиков о каком-либо писателе имеют для исследователя значительный интерес тем, что «текущая, живая критика может быть доброжелательна или недружелюбна, снисходительна или строга, проницательна или поверхностна» [5, 6], то переписка Чехова с Леонтьевым (Щегловым), их «мимолетные встречи и разговоры, мелочи и детали, ссоры и споры, сближения и расставания» представляют, на наш взгляд, более полную картину их взаимоотношений.

«Одно из самых дорогих украшений моего рабочего стола, – вспоминал Леонтьев (Щеглов), – портрет Антона Чехова с дружеской надписью: «на добрую нежную память о старине глубокой, когда мы познакомились...» [6, 47]. На фотографии помечено «12 янв. 1902 г.», за два года до смерти Чехова. Маленький штрих из личной судьбы беллетриста, но сколько он значил для него, если учесть, что их первое знакомство состоялось пять лет тому назад в ресторане гостиницы «Москва». Чехов в то время был уже литературной знаменитостью, и в представлении Леонтьева (Щеглова) он, в момент их встречи, выглядел «высоким стройным юношей, одетым очень невзыскательно, по-провинциальному, с лицом открытым и приятным, с густой копной темных волос, зачесанных назад. Глаза его весело улыбались, левой рукой он слегка пощипывал свою молодую бородку» [7, 48]. Они настолько прищлись друг другу по душе, что в конце беседы Чехов звал Леонтьева (Щеглова) по-приятельски «Жаном», а тот называл нового друга «Антуаном». Дружеские отношения как «завязались сразу», «под веселую руку», – вспоминал он через семнадцать лет знакомства с Чеховым, – так и «остались душевно неприкосновенными на всю жизнь, невзирая на разность литературных положений и всяческие житейские превратности» [8, 48].

И еще один момент необходимо отметить – о влиянии Чехова на людей. «Не умею вам сказать, как это случилось, – писал позже Щеглов, – это секрет Чехова, который он унес с собой в могилу, – чудесный секрет... брать человека в душевный плен прямо с места! Не я один, разумеется, испытал на себе эту непосредственность чеховского захвата; хотя должен оговориться, что далеко не на всех распространял он в одинаковой мере свое душевное гостеприимство...» [9, 48].

Беседы с Чеховым были для него величайшим наслаждением, особенно когда разговор касался вопросов о литературе и искусстве, а «мимоходные рассуждения» Антона

Павловича о разных лицах, «самые заурядные будничные мелочи» – всё получало в его устах «свежую оригинальную окраску, ту неуловимую прелесть жизни и юмора, которая почти непередаваема на бумаге» [10, 53].

Тем не менее, попытаемся обозначить литературный портрет Леонтьева (Щеглова) по письмам Чехова в наиболее интенсивный период переписки с «милым Жаном» с 1887 по 1889 год. Всего Чеховым было написано 32 письма, в которых он, в основном, был Щеглову и другом, и учителем, и едва ли не первым читателем и критиком его произведений [11].

Первое письмо Чехова датируется между 16 и 20 декабря 1887 года, через несколько дней после их знакомства, в котором писатель благодарит нового друга за радушие и за книги, здесь же ему дана и первая характеристика: «У Вас все хорошо и мило: и книги, и нервность, и разговор, и даже трагический смех, который я теперь дома пародирую, но неудачно» [12, 161].

Знаменательно, что именно Леонтьеву (Щеглову), одному из первых адресатов, датировано письмо от 1-го января 1888 года. Чехов обращается к нему «Милый Альба», в последующих 15-ти посланиях называет его «милый капитан», «храбрый капитан», «милый Жан» и «дачный муж», выражая тем самым свое радушиное расположение к молодому писателю.

В письмах этого периода Чехов размышлял и высказывал свои суждения о литературном процессе 80-х годов, делился своими впечатлениями о прочитанных произведениях писателей-современников, давал ценные советы начинающим писателям, в том числе и Леонтьеву (Щеглову). Так, он назвал его рассказ «Миньона», напечатанный в «Новом времени» (1887, № 4248, 25 декабря), «преlestным». «Браво! Бис! Щеглов, Вы положительно талантливы! Вас читают! Пишите! Моей семье *чрезвычайно* симпатичны Ваши книжки. Чуют люди» (II, 166). Но уже в другом письме, от 10 января, Чехов в несколько шуточной форме советует ему больше писать: «Вас нужно не столько хвалить за то, что Вы хорошо пишете, сколько бранить и поносить за то, что мало пишете... В хорошенькой «Миньоне» я нашел несколько промахов, которые объяснил себе только Вашим малописанием. Зажгите себя! Ведь Вы так легко воспламеняетесь! «Малописание для пишущего так же вредно, как для медика отсутствие практики...» (II, 171).

Из писем становится ясно, что Леонтьев

(Щеглов) испытывал благотворное влияние старшего собрата по перу, прислушивался к его замечаниям, которые уже вполне серьезно прозвучали в письме Чехова от 22 января: «Вам, о маловвер, интересно знать, какие промахи нашел я в Вашей «Миньоне»... Прежде чем указать на них, предупреждаю, что они имеют скорее «трагический» интерес, чем критико-литературный. Уловить их может только пишущий, но никак не читатель... Эти указания не имели бы места, если бы «Миньона» была большою повестью. У больших, толстых произведений свои цели, требующие исполнения самого тщательного, независимо от общего впечатления. В маленьких же рассказах лучше недосказать, чем пересказать...» (II, 181). Ценные замечания, высказанные Чеховым, свидетельствуют об очень деликатном его отношении к писателю, словно он боялся чем-то обидеть пишущего, во всяком случае, оговаривался, что его промахи только он «один и считает промахами (весьма неважными, «трагическими»)», и что он очень часто ошибается. «Быть может, Вы правы, а не я... Я, надо заметить, очень часто ошибался и говорил не то, что думаю теперь. Стало быть, моя критика ничего не стоит» (II, 181).

Тем не менее, в последующих письмах (от 22 февраля, 9 июня, 18 июля 1888 года) Чехов высоко отзывался о новых произведениях Леонтьева (Щеглова), называя лучшими «В горах Кавказа», «Гордиев узел», «Поручик Пospelов. Из записной книжки молодого офицера», «Идиллия», «Дачный муж», «Гремучая змея», «Театральный воробей». Кроме того, называя «милого капитана» по-прежнему талантливым, «умницей», высказывая весьма определенное впечатление, «сильно говорящее в пользу» его будущности, принимая во внимание его «аристократическую медлительность» и «наклонность к кабинетному труду», Чехов говорил о внутреннем богатстве его души.

Заслуживают внимания рассуждения Чехова о судьбах русских писателей, многие из которых, как известно, страдали от непонимания и непризнания современников, не раскрывшие свой талант полностью в мрачную эпоху последней трети XIX века. От этого непонимания он предостерегал и себя, и Леонтьева (Щеглова) в письме от 3 мая 1887 года. Чехов как никогда серьезен, когда писал о питерском литераторе А.И. Лемане, предложившем ему дать согласие печатать объявления друг о друге в своих книгах и в число избранных «включать лишь лиц, более или менее *солидарных*» с ними. На что Чехов,

послав согласие 30 апреля 1888 года, разразился целой тирадой в ответ Леману с вопросом: «Откуда вам известно, с кем я солидарен и с кем не солидарен?» (II, 260).

В данном ответе проявилось новое понимание писателем окружающего его общества, и глубоко волновавший его в то время «проклятый вопрос» «о правде человеческих отношений», о чем он и сообщал Леонтьеву (Щеглову). Считаем возможным привести некоторые мысли Чехова, по-своему видящего и воспринимающего деятельность писателя в отношении свободы творчества. Так, он писал: «Как у вас в Питере любят духоту! Неужели вам всем не душно от таких слов, как солидарность. Единение молодых писателей, общность интересов и проч.? Солидарность и прочие штуки я понимаю на бирже, в политике, в делах религиозных (секта) и т. п., солидарность же молодых литераторов невозможна и не нужна... Думать и чувствовать одинаково мы не можем, цели у нас различные или их нет вовсе, знаем мы друг друга мало или вовсе не знаем, и, стало быть, нет ничего такого, к чему могла бы прочно прицепиться солидарность... А нужна она? Нет...» (II, 262). И далее Чехов высказал отрицательное отношение к «литературной кружковщине», но не к «литературному сообществу», рассматривая этические нормы взаимоотношений между пишущими: «Чтобы помочь своему коллеге, уважать его личность и труд, чтобы не сплетничать на него и не завистничать, чтобы не лгать ему и не лицемерить перед ним, – для всего этого нужно быть не столько молодым литератором, сколько вообще человеком... Будем обыкновенными людьми, будем относиться одинаково *ко всем*, не понадобится тогда и искусственно взвинченной солидарности. Настойчивое же стремление к частной, профессиональной, кружковой солидарности, какой хотят у вас, породит невольное шпионство друг за другом, подозрительность, контроль, и мы, сами того не желая, соделаемся чем-то вроде иезуитских социусов друг у друга...» (II, 263).

Известно, что эстетические взгляды Чехова отличались противоречивостью, он много рассуждал о «свободе» художника, что давало повод многим критикам, по словам Л. Громова, считать писателя сторонником «чистого искусства». Наблюдая литературное движение той эпохи, мелкую и пошлую борьбу между отдельными литературными группировками, либерально-народническое направление журналов и сборников, их односторонность и узость, Чехов чувствовал

эту «духоту» [13, 30]. Поэтому, продолжая свою мысль в письме Леонтьеву (Щеглову), писатель, на наш взгляд, декларирует собственную этическую программу, ценя больше всего чувство человеческого достоинства. «Я, милый Жан, не солидарен с Вами, но обещаю Вам по гроб жизни полную свободу как литератору; то есть Вы можете писать где и как угодно, мыслить хотя бы на манер Кореиши, изменять 1000 раз убеждениям и направлениям и проч., и человеческие отношения мои к Вам не изменятся ни на грань, и я всегда буду на своих обложках печатать объявления о Ваших книгах. То же самое я могу пообещать и прочим моим коллегам, того же хотел бы и для себя. По-моему, это самые нормальные отношения. Только при них возможны и уважение, и даже дружба, и сочувствие в тяжелые минуты жизни» (II, 263).

Несмотря на свою эстетическую программу, высказанную позже в письме к А. Плещееву 4 октября 1888 года (эта декларация часто цитируется в критической литературе о Чехове), он не кривит душой, когда говорит о разности взглядов литераторов на солидарность, главное для него сохранить «духовную самостоятельность».

С октября 1888 по декабрь 1889 года Чехов активно переписывался с А.Н. Плещеевым, А.С. Сувориным, Д.В. Григоровичем, К.С. Баранцевичем и другими. Письма содержат ценный материал для изучения духовно-нравственных взглядов Чехова, творческой истории отдельных произведений. Он ставил вопросы о задачах художественного творчества, о современном театре, критике, о русской и западно-европейской литературе, делился своими мыслями с Леонтьевым (Щегловым). Только ему адресовано было 15 писем, речь в которых идет, преимущественно, о новых произведениях «милого Жана» и о своих собственных, в частности «Лешем», «Иванове». Чехов пишет о творческой и сценической истории пьес, о водевилях «Предложение», «Трагик поневоле», «Свадьба» и «Медведь», о повестях и рассказах, принесших Антону Павловичу известность и огромную популярность. Вместе с тем, зная отношение Чехова к театру, его работу как драматурга, трепетно относящегося к репетициям и постановкам своих пьес на сцене театров, к игре актеров, зная самые разноречивые отклики литературной критики о спектаклях, зрителя, иногда «откровенно шикающего и топающего ногами» во время премьеры, например, «Иванова» (II, 152), можно с убедительностью говорить о том, что писатель очень ответственно

но и строго относился к своей литературной позиции. Об этом он часто писал Леонтьеву (Щеглову), предостерегая того от чрезмерного увлечения театром.

Письма этого периода объединяет, на наш взгляд, одна мысль Чехова: отговорить своего друга не писать слишком много драматических произведений, так как считает, что беллетрист из него получится лучше, чем драматург. Он по-прежнему поддерживал талант Леонтьева (Щеглова), верил в будущность его романов и повестей, но, не навязывая своего категорического мнения по этому поводу, настоятельно советовал ему заняться беллетристкой.

Важно и то, что молодой драматург часто просил совета у своего учителя, прислушивался к его мнениям. Так, 25 октября 1888 года он писал Чехову о своих сомнениях относительно «Дачного мужа», убежденный, что в театре у Корша он «лучше бы прошел в 2-х актах – 3-й слишком уж нищенски обставлен». Леонтьев (Щеглов) просит у Чехова совета, так как колеблется: оставить ли 3-й акт в пьесе или убрать. На просьбу «надоумить его слегка» Чехов 2 ноября 1888 года отвечал: «Что касается «Театрального воробья», то он, кажется, пойдет... С «Дачным мужем» не торопитесь. Успокойте свои щеглиные нервы. Если Вы в самом деле пришли к *убеждению*, что III акт не нужен, то так тому и быть, но если этого убеждения нет, то зачем идти на уступки? Пусть лучше пьеса лежит в архиве, чем идти на уступки... Ведь если раз уступите, то Ваши нервы будут уступать без конца... Побольше железа! По-моему, лучше написать две новые пьесы, чем один раз уступить» (III, 51).

В другом письме, от 7 ноября, Чехов более настойчив: «Жанчик, Вы уже стареете и становитесь солидны. Вы женаты, капитан, литератор, у Вас есть имя... Умоляю Вас, разлюбите Вы, пожалуйста, сцену! Право, в ней очень мало хорошего! Хорошее преувеличено до небес, а гнусное маскируется. Я думаю, что В. Крылов всей душой ненавидит кулисы, раек, актеров, актрис и потому имеет такой успех. Он холоден, жесток, жестко стелет...». И далее он высказывает свое негативное отношение к театру, особенно после первой постановки его пьесы «Иванов» у Корша, воспринятой зрителями по-разному, но сразу же завоевавшей всеобщее внимание: «Современный театр – это сыпь, дурная болезнь городов. Надо гнать эту болезнь метлой, но любить её – это нездорово. Вы станете спорить со мной и говорить старую фразу: театр школа, он вос-

питывает и проч. ...А я Вам на это скажу то, что вижу: теперешний театр не выше толпы, а, наоборот, жизнь толпы выше и умнее театра; значит, он не школа, а что-то другое...» (III, 60). Леонтьев (Щеглов) в письме от 9 ноября выразил свое несогласие с Чеховым: «О значении театра буду с Вами много спорить при свидании, а пока скажу – это единственное живое дело, возбуждающее мою литературную энергию... К сожалению, я не могу писать в настоящее время пьесы, ибо, чтобы жить, должен кропать плохие повести» [14, 348]. «Вы хотите спорить со мной о театре, – отвечал Чехов 11 ноября. – Сделайте Ваше одолжение, но Вам не переспорить моей нелюбви к эшафотам, где казнят драматургов. Современный театр – это мир бестолочи, Карповых, тупости и пустозвонства». Это, видимо, реакция писателя на пьесу Карпова «Крокодиловы слезы», в которой драматург «пробрал «желторотых либералов» и потому-то его пьеса «не понравилась и обругана». Известно отрицательное отношение Чехова к бездарным сочинителям пьес, отсюда понятна его реакция: «После этого я еще больше возненавидел театр и возлюбил тех фанатиков-мучеников, которые пытаются сделать из него что-нибудь путное и безвредное» (III, 66).

В тот же день он написал А.С. Суворину: «В письмах к Щеглову я объясняюсь в нелюбви к театру. Хочу в него вселить эту нелюбовь...» (III, 67). И совсем противоположное мнение Чехов выскажет Леонтьеву (Щеглову) через несколько дней в письме от 16 или 17 ноября: «Я радуюсь, что Вы пишете повесть, и заранее приветствую «Корделию». Драматургов 700 у нас, а беллетристов в сто раз меньше. Пишите пьесы – спасение театра в литературных людях, – но не бросайте беллетристики. Если бросите, то я знать Вас не хочу» (III, 73).

Думается, что Чехов продолжал бороться за Щеглова-беллетриста. Чуть позже, 20 декабря 1888 года, он, по-прежнему ценя талант автора «Дачного мужа», вновь повторит свою просьбу бросить писать драматические произведения: «Театр – это змея, сосущая Вашу кровь. Пока в Вас беллетрист не победит драматурга, до тех пор я буду есть Вас и предавать Ваши пьесы проклятию. Так и знайте» (III, 94).

В продолжение 1889 года Чехов журил «милого капитана» за его пристрастие к театру и даже пошутил в письме от 18 февраля: «Пишу докторскую диссертацию на тему: «О способах прививки Ивану Щеглову ненавис-

ти к театру». Категоричен Антон Павлович и в следующих словах: «Занимайтесь беллетристикой. Она ваша законная жена, а театр – это напудренная любовница. Или становитесь Островским, или же бросайте театр. Середины нет для Вас. Середина занята драматургами, а беллетристам, таким как я, Вы, Маслов, Короленко, Баранцевич и Альбов, т. е. литературным штаб-офицерам, не к лицу вести борьбу за существование с обер-офицерами драматическими. Беллетрист должен идти в толпу драматургов-специалистов или генералом, или же никак» (III, 158). В подобных высказываниях проявляется собственная, отличная от остальных, литературная позиция Чехова, его личное воззрение на театр и искусство в целом.

Наконец, письма Чехова содержат еще одну важную особенность: в них раскрывается всестороннее отношение художника к игре актеров и к творчеству современников-беллетристов, в частности Пастухову, Маслову, Билибину, Суворину, Баранцевичу, Тихонову и другим.

Известно письмо Леонтьева (Щеглова) от 16 февраля 1889 года. Он сообщает Чехову: «Был как-то у Суворина, досыта наговорился о театре. Я бы и чаще заходил в редакцию, но тон Буренина мне мерзит. И все-то он прохаживается насчет нашего брата в том смысле, что, дескать, «кушать надо – оттого и пишут всякую дрянь!». Это говорится и в редакции публично и нашептывается в уши Маслову, и отвратительно угнетающе на меня действует» [15, 394]. Чехову по-прежнему не безразлична судьба друга, и он, отвечая на это письмо 18 февраля, советует: «Пусть так, но, ради создателя, не поддавайтесь этому чувству и не пасуйте перед великим критиком. Что бы он ни молот авторитетно о бесполезности нашего брата, о пишущих ради куска хлеба, он никогда не будет прав. На этом свете не тесно, для всех найдется место; мы не мешаем Буренину жить, и он нам не мешает. Вопрос же о том, кто на земле полезен и бесполезен, не Буренину решать и не нам. Не расходуйте Ваших нервов и душевной энергии на черт знает что» (III, 158).

В следующем письме Леонтьеву (Щеглову) от 12 апреля Чехов мимолетно охарактеризует писателя Билибина, назвав его «милым человеком». Великолепный знаток человеческих душ, он заметил при этом, что Билибин «немножко сухарь и немножко чиновник. Он очень порядочен и, в чем я убежден уже давно, талантлив. Талант у него большой, но знания жизни ни на грош, а где

нет знания, там нет и смелости... Он хороший фельетонист. Внушайте ему стиль строгий и чувства возвышенные, а водевиль не уйдет...» (III, 191-192). Короткими выразительными штрихами, по-чеховски, раскрывается его отношение к современникам, и, что очень примечательно, вера в талант многих литераторов.

В последних двух письмах (29 августа и 21 октября 1889 года) Чехов выразил, наконец, радость по поводу охлаждения «милого Жана» к Мельпомене и возвращения его «в родное лоно беллетристики» (III, 238). И что особенно важно, похвалил «Кожаного актера» (1889), называя новый рассказ писателя «превосходным». Однако советовал обратить внимание на языковые несообразности в повествовании: «Молодец Вы, Жанушка. Только на кой черт в этом теплом, ласковом рассказе сдались Вам такие жителевские перлы, как «облыжный», «бутербродный» и т. п.? К такой нежной и нервной натуре, каковую я привык считать Вас, совсем не идут эти ёрнические слова» (III, 267).

Таким образом, письма Чехова к Леонтьеву (Щеглову) данного периода не исчерпывают всей тематики и художественности затронутых нами вопросов. В них он раскрывается не только как взыскательный читатель и критик произведений Леонтьева (Щеглова), но и как мудрый его наставник. Чехов высоко ценил автора «На горах Кавказа», сожалел, что тот попал в зависимое положение от Буренина и К°, несколько раз советовал уйти из редакции «Новое время»: «...зачем Вы около них, т. е. зачем ставите себя в зависимое от них положение, отчего не уходите, если презираете? Не обижайте себя, милый Жан, не обижайте Вашего дарования, которое как-никак все же от бога, будьте свободны, вырвитесь на волю!..» (IX, 166). Суждения Чехова имеют «живительную» силу воссоздания определенного литературного портрета Леонтьева (Щеглова) и их творческих взаимоотношений.

В письмах также проявляются личные привязанности и антипатии Чехова к некоторым писателям-беллетристам и критикам, а главное – его оценки помогают понять ту

сложную, не поддающуюся однозначному определению, литературно-общественную обстановку 80-90х годов, в которой создавались произведения и формировался художественный талант многих его современников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. // А.П. Чехов. Письма: В 12 тт. – Т. 2. – М., 1975.
2. Арсеньев К.К. Молодые русские беллетристы. Глава IV. И. Щеглов // К.К. Арсеньев. Критические этюды по русской литературе: В 2 тт. – Т. 2. – СПб., 1888.
3. РГАЛИ. Ф.2. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 39.
4. См. Чехов А.П. Письма: В 12 тт. Комментарии к письмам. – Т. 2. – М., 1975.
5. Романенко А.Д. Писатели о литературе и литература о писателях // Романенко А.Д. Писатели о писателях. Литературные портреты. – 2-е изд. – М., 2003.
6. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1986.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. За последующие годы (1890-1904) Чеховым было написано всего 38 писем, что объясняется рядом объективных причин.
12. Чехов А.П. Письма: В 12 тт. – Т.2. – М., 1975. – С. 161. В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте, где в круглых скобках указаны римской цифрой том, арабской – страница.
13. Громов Л. Реализм А.П. Чехова второй половины 80-х годов. – Ростов-на-Дону, 1958.
14. Чехов А.П. Письма: В 12 тт. Комментарии к письмам. – Т. 3. – М., 1976.
15. Там же.

A. Novikova

I. LEONTEV'S CREATIVE WORKS (ЩЕГЛОВ) IN A. CHEKHOV'S ESTIMATION

Abstract. The article deals with the question on mutual relations of two writers – A. Chekhov and I. Leontev on the basis of Chekhov's letters of 1887-1889, Letters are the certificate of creative growth of contemporary to Chekhov – Leontev, his literary portrait. Chekhov's separate letters open its sights at development of the Russian literature of end XIX of a century.

Key words: Chekhov's Letters, a literary portrait of Leonteva, fiction writers.